

Весь мир вокруг словно раздался вширь, став безбрежным и далеким, а докучливый шум в ушах Шэнь Цинжання бесследно растаял.

Он поднял глаза на мужчину, который столь решительно и бесповоротно отрезал, что не прогонит его. Тонкие губы, волевые брови — взор Сюэ Фэйфэна был тверд, как скала. Казалось, что бы ни стряслось на этом свете, этот человек никогда его не бросит.

Шэнь Цинжань вдруг ощутил себя до нелепого крошечным. Он как в лихорадке протянул руку и ухватился за край рукава Сюэ Фэйфэна — просто крепко сжал ткань в кулаке, не говоря ни слова.

Сердце Сюэ Фэйфэна смягчилось до крайности. Он обхватил ладонью собственный рукав и принялся сосредоточенно, бережно, сантиметр за сантиметром оттирать желтую грязь с ног Шэнь Цинжання — точно так же нежно, как в полдень целовал уголки его глаз.

— Отчего тебе пришла в голову эта мысль? — договорив, Сюэ Фэйфэн поднял голову, ожидая, пока Шэнь Цинжань ответит ему по губам.

Шэнь Цинжань: «Я... мне кажется, что я ни на что не годен. Я всего лишь хотел прополоть сорняки у тростника, но результат... ты и сам видишь...»

Сюэ Фэйфэн так и замер. Он никак не ожидал, что изначальным порывом Шэнь Цинжання была прополка поля — по внешнему виду разгрома об этом действительно нельзя было догадаться.

Эта напасть под названием «считать себя никчемным» после того, как парень разительно переменялся в характере, вспыхивала в нем с завидной регулярностью.

Сюэ Фэйфэн рассудил, что обязан вправить ему мозги, иначе в следующий раз тот снова сбежит из дома.

Оставив в покое злосчастный тростник, Сюэ Фэйфэн заговорил размеренно:

— Всего за один этот месяц у нас появились один му (0,06 га) тростника, четыре му пустующей земли, пруд и повозка с осликом. Когда наступит весна, мы нагрузим повозку рассадой, и ты сможешь посадить на полях всё, что твоей душе угодно... К слову, дома у нас живет огромный гусь, который целыми днями греется на солнышке. Всё мало-помалу движется к лучшему.

— И даже у неё... — Сюэ Фэйфэн указал на свою покалеченную ногу, — появилось кресло на колесах.

Вообще-то Сюэ Фэйфэн планировал при удобном случае открыться Шэнь Цинжаню и сказать, что его нога уже зажила, но, судя по нынешней обстановке, с разоблачением придется поременить и поиграть в хромого еще какое-то время.

— Если бы тебя не было рядом, и я упал бы в комнате, разве кто-то узнал бы об этом? Если бы костылей не оказалось под рукой, и я позвал на помощь, разве кто-то отозвался бы? — неторопливо вещал Сюэ Фэйфэн, и в его голосе сквозило бесконечное утешение.

Разумеется, ничего подобного случиться не могло. Напротив, в самом начале Шэнь Цинжань, лишь бы остаться ночевать в одной комнате втихаря утаскивал костыли, вынуждая Сюэ Фэйфэна безропотно сносить то, как парень выводит знаки на его ладони.

Взгляд Шэнь Цинжання слегка дрогнул — казалось, нарисованная Сюэ Фэйфэном картина

глубоко тронула его. То, о чем говорил генерал — разве он не сможет исполнить всё это, будучи мужчиной?

— Тебе нужно лишь оставаться самой собой и преданно быть со мной рядом, — больше ничего менять не требовалось, нужен был лишь сам Шэнь Цинжань.

Желание открыться и прояснить ситуацию вмиг угасло в душе парня. Он посмотрел на Сюэ Фэйфэна: «Ладно, побуду твоей женушкой еще годика два».

Такой прекрасный мужчина, как Сюэ Фэйфэн, рано или поздно приглянется какой-нибудь славной девушке, вот тогда они обо всем и поговорят.

— Не уходи, ладно?

Шэнь Цинжань послушно кивнул: «Спасибо, что дал мне кров».

В это время с другого края поля молодая пара, уверенная, что поблизости никого нет, укрылась в тростниковых зарослях, держась за руки и ведя негромкую беседу.

Силуэты Шэнь Цинжана и Сюэ Фэйфэна были надежно скрыты хаотично воткнутыми в землю стеблями тростника. Влюбленные поспешно огляделись по сторонам и заговорили вполголоса.

— Брат Лю, я... я... — младшая дочь Ли Дадао говорила со слабой дрожью в голосе, едва сдерживая слезы. — Сегодня Пань Юньшань пришел свататься, но мне этот лицемер и даром не нужен, вот я и позвала тебя, чтобы сорвать их замысел... Теперь отец, конечно, выставил Пань Юньшаня вон, но мы... Отец сказал, что ни за что не благословит наш брак.

Ли Юэвэй характером пошла в отца: если ей кто-то не нравился, она не собиралась кривить душой. Девушка ни капли не заботилась о репутации Пань Юньшаня — она прямоком позвала Лю Юаня и во всеуслышание заявила, что пойдет замуж только за него. Пань Юньшань, сочтя себя опозоренным, пришел в неопишемую ярость и принялся прямо в доме Ли завуалированно оскорблять Ли Юэвэй, выставляя её распутной девкой и порченным товаром.

Ли Дадао поначалу сидел с каменным лицом, слушая эти речи, но когда этот юнец совсем потерял берега и принялся в присутствии отца вовсе мешать его дочь с грязью, старик тоже расвирепел.

«Ах ты щенок, я не звал тебя свататься, а ты приперся без приглашения, да еще и рот разеваешь! Мою дочь чужакам судить не позволено!» Старик тут же схватился за тесак и взашей вытолкал и Пань Юньшаня, и Лю Юаня заодно.

Лю Юань горячо зашептал:

— Юэвэй, я попрошу третьего дядюшку вмешаться и замолвить за нас словечко перед твоим отцом, ты только не изводи себя, прошу.

Шэнь Цинжань, сам того не желая, подслушал чужой секрет и внезапно разделил с тетушкой Чжан весь восторг от сочных сплетен. Узнать, что ненавистный человек потерпел фиаско — это было истинным наслаждением.

Уголки его губ стремительно поползли вверх, но, вспомнив, что это совершенно не вяжется с той трепетной атмосферой, которая только что царила между ним и Сюэ Фэйфэном, он поспешно напустил на себя серьезный вид.

Сюэ Фэйфэн сузил глаза:

— Ты так рад?

Даже Ли Юэвэй с первого взгляда раскусила, что Пань Юньшань — сущий лицемер, и только этот простофиля Шэнь Цинжань расплывается в улыбке, едва заслышав, что женитьба его прежнего обожателя сорвалась.

Узнав подоплеку скандала в доме Ли Дадао, генерал немного успокоился: Шэнь Цинжань хотя бы не побежал устраивать сцену, значит, парень еще не окончательно безнадежен. Однако стоило ему вновь увидеть эту искреннюю улыбку на лице парня, как внутри тут же вскипело недовольство.

Настроение великого генерала менялось быстрее, чем погода в горах, отчего Шэнь Цинжань замер в полном недоумении.

«Ну да, я рад. Но чего ты так на меня вылупился?»

Сюэ Фэйфэн глубоко вдохнул, собираясь спросить: «Твои давешние обещания больше не искать его — они вообще чего-то стоят?»

Вдруг плач Ли Юэвэй сделался громче:

— Брат Лю, я... ик... я больше не могу ждать! У меня уже два месяца как нет месячных... Я понесла от тебя дитя, умоляю, поторопись...

— Что?! Юэвэй, я... я стану отцом? — Лю Юань на мгновение растерялся от испуга, но, к его чести, он не был подлецом. — Не плачь, прошу тебя! Я слышал от матушки, что беременным плакать нельзя, иначе ребенок родится слабым и пласивым... Клянусь, я непременно возьму тебя в жены! Даже если отец забьет меня до смерти, завтра же утром я приду свататься по всем правилам!

Шэнь Цинжаню стало не до смеха.

Он-то, наивный, до сих пор ломал голову лишь над тем, как бы незаметно подбросить женский укороченный жилет (дудоу) в кучу со стиркой, и совсем не предвидел куда более сокрушительной проблемы!

Он живет здесь уже целый месяц, спит с Сюэ Фэйфэном в одной комнате — при таком раскладе тайное рано или поздно станет явным. Если всё так и продолжится, генерал неизбежно поймает его на обмане.

Он испуганно уставился на Сюэ Фэйфэна.

Сюэ Фэйфэн тоже смотрел на него, отчетливо чувствуя, как напряглись лодыжки парня, а пальцы ног мазнули по его ладони, оставив легкое ощущение щекотки.

«Неужели этот маленькая немая наконец-то начала что-то соображать?»

Сюэ Фэйфэн не хотел давить на нее. Он протянул руку и мягко заправил прядь волос, упавшую на лицо Шэнь Цинжаня, за ухо, многозначительно обронив:

— Впредь и ты старайся плакать поменьше.

Шэнь Цинжань совершенно не уловил скрытого подтекста в словах Сюэ Фэйфэна. В его мыслях царил первозданный хаос: он судорожно соображал, как разыгрывать этот спектакль дальше. Да как вообще в этом мире могли происходить вещи, столь безжалостно рушащие все его моральные границы?!

Дав Шэнь Цинжаню время прийти в себя, Сюэ Фэйфэн отошел в сторону. Он принялся обрубать верхушки и хвосты у попорченного тростника, связывая стебли в тугие охапки — позже он подгонит ослика с повозкой, уберет этот ворох домой и отдаст Шэнь Цинжаню на лакомство.

Сахарный тростник не бывает сладким с обоих концов: раз уж он выбрал Шэнь Цинжаня, придется принимать его со всеми его тайнами и причудами.

Связывая тростник, великий генерал умудрился постичь крупицу житейской философии.

...

На обратном пути Шэнь Цинжань шел босиком — из-за раны он не мог натянуть сапоги, и от холода тыльная сторона стопы сделалась пунцово-красной.

— Как вернемся, сразу ложись в постель отогреться. Сегодня сначала в грязном пруду барахталась, теперь вот босиком по земле расхаживаешь — неужто и впрямь думаешь, что у тебя невероятное здоровье? — отчитывал его Сюэ Фэйфэн.

Как раз удачно совпало, что он купил у тетушки Чжан курицу — сварит крепкий бульон, чтобы Шэнь Цинжань восстановила силы. А завтра можно будет просто вычерпать воду из двух прудов, что оставил Сунь-второй, и поглядеть, удастся ли выловить парочку карасей.

Осушить пруд ради рыбы — генерал действовал с размахом и ни капли не сомневался в успехе.

У самого порога дома, прямо возле сточной канавы, алела свежая лужа крови. Шэнь Цинжань вздрогнул от испуга и судорожно вцепился в руку Сюэ Фэйфэна.

Сюэ Фэйфэн успокоил его:

— Ничего страшного, это куриная кровь.

Шэнь Цинжань с изумлением воззрился на Сюэ Фэйфэна, всем своим видом отчаянно вопрошая, откуда тот с такой точностью знает, что кровь именно куриная.

Сюэ Фэйфэн отвел взгляд, впервые предпочтя уклониться от ответа.

Его собственные руки пролили столько человеческой крови, сколько Шэнь Цинжаню за всю жизнь и в страшных снах не увидеть. Сюэ Фэйфэн, который на полях сражений легким движением руки превращал землю в преисподнюю для вражеских войск, лучше всего на свете знал запах и вид бьющей из груди крови. Он лишь безмолвно молил небо, чтобы Шэнь Цинжань никогда его не испугался.

Шэнь Цинжань понурил веки, чувствуя, как рушатся последние надежды. «И как мне теперь с помощью куриной крови разыграть комедию и картинно пойти стирать юбку перед Сюэ Фэйфэном?»

Из-за дома с тушкой птицы в руках показалась тетушка Чжан. Увидев возвращающуюся пару, она приветливо заулыбалась:

— О, вернулись! Гляжу — вас дома нет, так я взяла на себя смелость и сама зарезала курицу.

Тетушка Чжан видела всё насквозь. Достаточно было взглянуть на хозяйский птичник, где спустя месяц житья-бытья всё еще бодро и весело скакал огромный гусь, чтобы понять: эти супруги вдвоем и понятия не имеют, как правильно зарезать птицу и спустить кровь. Вот она и подсобила по-соседски, иначе эту курицу, чего доброго, усадили бы на жердочку и принялись обхаживать точно так же, как и гуся.

— Я уже вскипятила воду, сейчас ошпарим её — и можно ощипывать. Цинжань ведь отродясь такими делами не занималась, верно? В первый раз трудно, во второй — как по маслу, тетка тебя всему научит.

Тетушка Чжан с привычным усердием взялась за обучение.

Шэнь Цинжань стоял ни жив ни мертв, точь-в-точь как двоечник, которого завуч поймал спящим на уроке. Смиренно опустив голову, он уже занес ногу, чтобы подойти, как вдруг Сюэ Фэйфэн с поистине героической самоотверженностью заступил ему дорогу:

— Цинжань сегодня неважно себя чувствует, давайте лучше я.

Тетушка Чжан своими глазами видела, как Сюэ Фэйфэн виновато улыбнулся ей, после чего подхватил таз с горячей водой, изначально предназначавшейся для ошпаривания куриных перьев, отнес его Шэнь Цинжаню для мытья ног и строго-настрого велел «жене» сидеть на кровати и не двигаться.

Тьфу, глаза б мои не глядели на эту приторную заботу!

Сюэ Фэйфэн тем временем нагрел еще один котел воды. Под чутким руководством тетушки Чжан великий генерал, который в былые времена отправлял людей на тот свет одним точным ударом, теперь с поразительной неуклюжестью, точно благородная девица за рукоделием, неумело выщипывал крошечный пух на куриных крылышках.

Признаться честно, Сюэ Фэйфэну куда проще было бы одним движением содрать с птицы шкуру целиком.

Вместо этого... весь двор оказался в перьях.

Теперь Сюэ Фэйфэн в полной мере разделил страх Шэнь Цинжана перед тетушкой Чжан.

Топор с оглушительным стуком обрушился на разделочную доску. Оказавшись в привычной стихии, генерал быстрыми ударами разрубил курицу на аккуратные куски, взял большую глиняную чашу и щедрой рукой отложил добрую половину тетушке Чжан.

— Нам с Цинжанем столько ни за что не съесть. Вы сегодня так выручили нас, возьмите эту часть себе к обеду.

Заметив, что тетушка Чжан собирается вежливо отказаться, Сюэ Фэйфэн отрезал напрямую:

— Поварское мастерство у нас с Цинжань из рук вон плохое. Если мы сварим бульон и принесем его вам, это будет настоящим позором. Так что если вы не хотите к вечеру знатно расстроиться из-за угробленного продукта, советую забрать мясо прямо сейчас.

Тетушка Чжан ни за что бы не позволила Сюэ Фэйфэну так безбожно переводить добро. Она

тут же сама отмерила нужное количество воды, наладила огонь в печи, нарезала и бросила в котел корни лотоса и арахис. Но стоило ей потянуться за корнем дудника (дангуй), как Сюэ Фэйфэн перехватил её руку:

— Цинжань это нельзя.

Сказались знания из восемнадцатистраничного письма лекаря-чудотворца, ликвидировавшего его безграмотность в вопросах ухода.

— Особая диета? — тетушка Чжан была бабой тертой, разве могла она не догадаться? Лицо её вмиг озарилось безудержной радостью. — Предки милостивые, неужто свершилось? Ох, какой же глупый вопрос! Слушай, что тетка скажет: первые три месяца — самые опасные, нужно быть осторожными вдвойне и никому чужому ни словечка не болтать! Видя, в каком состоянии сейчас Цинжань, тебе ни в коем случае нельзя пускать её одну на поле.

Тетушка Чжан вела себя как строгая наставница, доподлинно знающая меру бестолковости своих подопечных. Ладно Сюэ Фэйфэн — она сама до смерти боялась, что Шэнь Цинжань покалечит себя на грядках.

Сюэ Фэйфэн был с ней абсолютно согласен. Теперь-то он понимал, откуда взялась эта рана на лодыжке «супруги» — сама же себя мотыгой и окропила при прополке сорняков!

Тетушка Чжан так и потеряла руки, разволновавшись куда сильнее, чем когда её собственная невестка была на сносях. Фэн-цзы полжизни мыкался в лишениях, да и с женой поначалу покоя не знал, но теперь-то жизнь наконец вошла в мирное русло.

Она бросила взгляд на топку:

— Ладно, не гоже мне задарма забирать у тебя пол-курицы. Старик мой как раз сегодня утром выловил в горном ручье двух диких карасей. Бульон из них выходит густой, белый да на редкость ароматный — первейшее средство! Завтра в полдень я сама всё приготовлю и принесу вам чашу. Накажи Цинжань, чтоб оставила место в желудке для свежей ущицы. Беременным надобно питаться самым лучшим.

Тетушка Чжан прекрасно понимала: при нынешнем положении дел в доме Фэн-цзы, на первых порах куда полезнее не «учить ловить рыбу», а просто приносить её готовую. Да чтоб обязательно в виде наваристого бульона.

Шэнь Цинжань так и застыл у порога, держа в руках таз с грязной водой.

Как же так... Стоило ему отлучиться на пару минут, и он напрочь перестал понимать развитие сюжета?

Постойте... Да кто вообще здесь беременный?!

Отчего Сюэ Фэйфэн вылитый его родная матушка — тоже спит и видит, как бы примерить на него образ будущей роженицы?! Что это за дурацкая болезнь такая, она что — передается воздушно-капельным путем?

Да каким вообще боком он может быть беременным?!

Он тут, понимаешь, из кожи вон лезет, переживая из-за своей маленькой мужской тайны, а Сюэ Фэйфэн бабахнул по нему новостью куда погорячее!

Уж не оттого ли это, что сегодня на поле они подслушали ту драму с Лю Юанем, и генерал спроецировал ситуацию Ли Юэвэй на него, придя к выводу, что парень тоже в положении?

На лице Шэнь Цинжаня отразился один сплошной немой вопрос. Неужели Сюэ Фэйфэн всерьез полагает, будто от одного пожатия рук можно зачать дитя?

Нет-нет-нет... Шэнь Цинжань прикусил указательный палец, сию же минуту хладнокровно проанализировать ситуацию. Сюэ Фэйфэн, должно быть, решил, что ему наставили рога — в конце концов, прежний владелец тела знатно куролесил в свое время.

Выходит... Сюэ Фэйфэн уцепился за слова Ли Юэвэй, вообразил, будто девушка беременна от другого, и при этом с абсолютным великодушием принял этот факт?

Шэнь Цинжань готов был взвыть от ментального крика: «Да это вообще твой ребенок, потвоему?! Ты даже бровью не повел, ни о чем не спросил, а просто с невозмутимым видом готовишь питательные отвары?! Да еще и тетушке Чжан растрепал!»

Голоса во дворе становились всё ближе. Сюэ Фэйфэн проводил тетушку Чжан за ворота и вернулся к очагу следить за огнем.

Шэнь Цинжань на цыпочках прокрался в комнату, бесшумно вернул таз на пол и уселся на кровать, принявшись в глубоком унынии пересчитывать пальцы на ногах.

Он уже не раз слышал, как госпожа Цай сквозь зубы сыпала в его адрес проклятиями, суля ему позорную казнь в свиной клетке натопленной водой, но стоило делу дойти до Сюэ Фэйфэна — и любые, даже самые немыслимые и вопиющие прегрешения находили в сердце этого мужчины прощение и заботу.

Теперь, когда он прознал об этом заблуждении генерала, находиться наедине с Сюэ Фэйфэном стало невыносимо неловко. Он ведь не мог просто выбежать на кухню и заявить: «Я не беременный!» А ну как Сюэ Фэйфэн задаст ему встречный вопрос — пиши пропало, выйдет еще хуже.

Надо было отыскать какой-то компромиссный, промежуточный путь, чтобы Сюэ Фэйфэн сам наткнулся на свое упущение. Переживем эту ночь, а наутро снова проснемся чистыми, верными боевыми товарищами.

Корень беды крылся в словах Ли Юэвэй, значит, и лечить недуг следовало тем же лекарством.

Шэнь Цинжань пошевелил пальцами ног и с досадой обнаружил, что порез на стопе наотрез отказывается кровоточить дальше.

Куриную кровь Сюэ Фэйфэн распознает за версту, где же раздобыть человеческую?

Шэнь Цинжань пошарил под кроватью и выудил оттуда острый кинжал. Проспав на постели Сюэ Фэйфэна какое-то время, он успел заметить, что этот мужчина обладает феноменальной бдительностью — должно быть, отголоски былых сражений, — оттого и прячет холодное оружие даже под матрасом.

Шэнь Цинжань отыскал старую юбку, которую давно не носил, расстелил её поверх бедер и, точно идущий на верную смерть воин, решительно засучил рукав. Острие клинка зависло над его запястьем, примериваясь к коже.

Нет, здесь нельзя, тут вены.

Шэнь Цинжань был натурой изнеженной и до смерти боялся боли, так что причинить вред самому себе для него было сродни подвигу. Он со священным ужасом уставился на лезвие, решив сместить клинок чуть выше, дабы задеть лишь самый верхний слой кожи.

— Что ты творишь?! — громом среди ясного неба в дверях вырос силуэт Сюэ Фэйфэна.

Какая-то скрытая стрела или мелкий предмет со свистом пронзил воздух, с молниеносной быстротой угодив точно в акупунктурную точку на запястье Шэнь Цинжаня. Рука вмиг онемела, пальцы непроизвольно разжались. Острие кинжала мазнуло по коже, оставив едва заметную алую ниточку царапины, и со звонким «клац» рухнуло на пол.

Поймали с поличным!

Лицо Шэнь Цинжаня исказилось от паники, краска сошла с его губ. Он судорожно дернул рукав вниз, силясь спрятать запястье. Он ведь даже сделать ничего не успел, а Сюэ Фэйфэн уже обо всем догадался! И что ему, во имя всего святого, делать теперь?!

<http://bllate.org/book/17933/1732820>